

АЛЕКСАНДРА ЯКОВЛЕВА

ИГРА
В
ОЛЕНЕЙ

16+

Александра Яковлева

Игра в олени

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Яковлева А.

Игра в оленей / А. Яковлева — «ЛитРес: Самиздат», 2019

«Игра в оленей» — история традиционной северной семьи, ведущей кочевой образ жизни. Женщины в ней ставят чум и шепчутся с огнём, а мужчины выходят на охоту и заботятся о стаде. В тундре жизнь человека зависит от оленя, а жизнь оленя зависит от воли богов. «Тундра дала — тундра взяла», — так говорят на Севере. Так было испокон веков. Но что случится, если старший сын попытается спасти увязшего в болоте оленя? Если младший нарушит правила взрослой игры? Если дочь пойдёт наперекор вековым традициям? Этнический колорит мифологизирует пространство рассказа, но в основе его лежит общечеловеческое, понятное каждому столкновение старого традиционного и нового, молодого мира. В этом новом мире все люди равны, как дети, играющие вместе, в нём никто никому не покорен.

Ранним летним утром стойбище оглашается треском оленьих копыт: это стадо идёт с ночного выпаса. Авкают телята, путаясь в ногах у своих матерей, храпят молодые рогачи, залившимся лаем подгоняет их лайка Изок.

Маленький Ноляко, выбравшись из чума, встречает стадо: «Ты то! Ты то!» Это значит «идут олени». Это значит и «доброе утро». Всякое утро в тундре доброе, если олени вернулись на стойбище.

Вслед за стадом идёт и Сойти. Ему девятнадцать. Для тундры – взрослый мужчина, хоть с виду почти мальчишка. Ноляко подбегает, ввинчивает лобастую голову ему в живот.

– Поиграем в оленей?

– Лучше сестру позови. – Сойти рассеянно треплет младшего брата по светлым, как у матери, волосам. – Я спать.

– А когда папа вернётся, поиграешь?

– Обязательно.

Отец уехал в посёлок семь дней назад, и семь ночей кряду Сойти провёл в тундре на выпасе. Пока отец в отлучке, сменщика ему нет. В последние годы волки слишком уж расплодились и осмелели – Сойти охранял стадо, не смыкая глаз. Иногда проваливался в забытье, но тут же пробуждался и тарачился по сторонам в поисках врагов. За эти дни Сойти очень устал.

Майма встречает старшего брата у чума. Взгляд серьёзный, даже грозный.

– Слово есть, – разговор начинает по-взрослому, но Сойти обрывает:

– Нет, сестра. Что бы ни сказала – не слышу.

– Слышишь! – упрямится. – Следующую ночь я пойду.

– Выдумала.

– Я разве слепая? Совсем подурнел, под глазами черно...

– Про мою красоту не думай, – смеётся Сойти, – думай про свою. Если подурнеешь ты, бабушка нас обоих съест.

Майма дует алую губку, а Сойти любит её. Сестра у него красавица: круглолицая, темноглазая, кожа как молоко, а ярится – щёки вспыхивают спелыми ягодами. Такая в тундре стоит всего отцовского стада, и даже больше. Строптивая только, что дикий олень. Вот и теперь: хочет биться, хочет возражать.

Маленький Ноляко вдруг хватается её за руку, тянет:

– Майма-Майма, поиграем в оленей?

И Сойти сбегает от Маймы под полог родного чума.

В чуме тепло, пахнет шкурами, свежим чаем и молоком. На огне доходит завтрак.

У очага сидит мать. Имя её – Ксения – в семье почти забыто. Светлая славянская голова расчёсана на пробор, заплетена по-северному. Мать следит за пламенем, то и дело подбрасывает валежник. Работа мужчины – заботиться об оленях, её работа – заботиться об очаге. Огонь горит ровно, весело. Дымок тянется вверх, вылетает змеем в круглое окошко – и устремляется вдаль, в бескрайнюю тундру, к облачному горизонту.

Снаружи шум: маленький Ноляко и Майма спорят, кто первый будет охотником. Простая игра в оленей в тундре необходима. Растут дети – вместе с ними растёт и забава, становится уже заботой. Ещё совсем недавно Сойти тоже всего лишь играл. Теперь он входит в чум, уставший с ночи. На полудетском лице его тень, будто сам Хасавако проступает сквозь сыновние черты. Взглянув на сына, Ксения вздрагивает.

– Доброе утро, – говорит она. – Чаю попьёшь?

Сойти качает головой:

– Давай сперва стадо соберём.

Майма бежит вприпрыжку, топорщит над головой раскрытые ладони, будто рожки:

– Я олень! Олень!

Майме пятнадцать. Она подпрыгивает так высоко, что рожки её вот-вот уткнутся в белые пузатые облака. Ноляко – «охотник», и аркан в его руках, хоть маленький, вполне настоящий.

– Лови меня! – зовёт Майма.

Ноляко пытается повторять броски за старшим братом Сойти, но руки и ноги у него слишком короткие, несуразные. А голова, наоборот, огромная. Ноляко то и дело падает, запутавшись в ногах, противный аркан летит, куда попало.

– Лови меня!

Майма увёртывается, словно прыткий двухлетка. Поддавки от сестры Ноляко не ждёт: разве настоящие олени поддаются Сойти?

– Лови, Головастик!

И Ноляко, наконец, ловит. Прочная верёвка цепляет сестру за ногу – Майма падает, брыкаясь для смеху сильнее, чем нужно. Ноляко в полном восторге.

– Покорись! Покорись! – восклицает он, подражая старшим, и хлопает Майму по спине палочкой: так положено усмирять норовистых оленей. Майма дёргает спутанной ногой, бьётся, как настоящий рогач. Вместе они хохочут, совершенно счастливые.

– Теперь меняемся, – Ноляко протягивает Майме аркан, но тут из своего вдовьего чума выходит бабушка. Она смотрит на Майму, всю в грязи, – и начинается:

– Взрослая девка, вот-вот замуж, а всё игры ей, всё игры... Ну, поднимайся, чего разлеглась? Загонять надо.

Майма встаёт, отряхивает колени. Даёт старухе опереться на свой локоть и медленно ступает вместе с нею.

– Я тоже помогу! – восклицает Ноляко.

На неуклюжих своих ногах он устремляется к стаду. Аркан волочится за ним, как хвостик.

– Уж ты поможешь, – ворчит бабушка себе под нос, медленно переставляя ноги. – Помогальщик...

– Ба, – просит Майма. – Ему же восемь. И он сильный. Самое время помогать.

Впереди Ноляко спотыкается, растягивается на брюхе, но быстро встаёт, словно ничего и не случилось.

– Ну, ты погляди! А говорила я сыну: вот тебе невеста, лучшая в тундре, бери! Нет, приволок дурную кровь с большой земли. Она и родила уроды... Тьфу! Изорвалась вся – тоже бесполезная стала. Наказание наше.

– Ну, Ба.

Маленький Ноляко, наконец, прибегает к коралю – загону для оленей. Кораль самый простой: сотня столбиков, вбитых в землю по кругу, вместо перекладин – длинная верёвка. Ксения уже открыла проход стаду, держит один из концов верёвки. Со вторым обычно помогают Майма и бабушка.

Ноляко обнимает мать, забирается ей под руки, бодает в ладони, в мягкий полный живот. Это он у телят научился. Он похож на неё, как две капли воды: те же светлые, почти белые волосы, тот же прямой тонкий нос и глаза, серые, как олений мех.

Ксения мягко отталкивает Ноляко:

– Иди, сынок, иди, а то затопчут.

Стадо волнуется. Среди оленей бегают Сойти с Изоком, ловят крупного сильного рогача. Если усмирить вожака, остальные тоже покорятся и спокойно пойдут в загон. Но Сойти устал, и вожак легко увёртывается от петли его аркана.

Майма делает шаг к стаду:

– Надо ему помочь.

Цепкие пальцы старухи сдавливают ей плечо.

– Стой, позорница! Стой и держи кораль, как подобает женщине.

Майма умоляюще смотрит на мать, но та в кои-то веки согласна с бабушкой:

– Он справится.

И Майме приходится стоять столбом вместе с мамой, бабушкой и сотней других столбов, деревянных, пока измученный Сойти занят своим мужским делом.

– Держи крепко, – наставляет бабушка. Майма стискивает верёвку изо всех сил.

Маленький Ноляко опять крутится рядом: без дела ему тягостно.

– Мама-мама-мама, – тараторит он. – Мама, можно и мне подержать?

– Нет, сынок, нельзя.

– Мама-мама-мама, – дёргает её Ноляко. – Почему Майме можно, а мне нельзя?

– Потому что она женщина, – отвечает мама. – Отойди.

– Женщина? – Ноляко изумлённо смотрит на Майму, будто впервые увидел. – Вот повезло!

Майма фыркает:

– И ничего не повезло. Это тебе повезло, что ты мужчина. Вырастешь – будешь ловить оленей за рога. А женщинам достаётся только самое скучное.

– Самое важное! – возражает старуха. – Без женщины оленя не поймашь, чум не соберёшь, огня не сохранишь. Без женщины в тундре жизни нет. Так-то. – Пожевав губами, добавляет: – Мать твоя – чужачка бестолковая, и ты туда же...

Ксения дёргает плечом, будто её ударили, но молчит. Она наблюдает за старшим сыном. Тот не без труда хомутает, наконец, жоака: покорись! покорись! – садится верхом и въезжает на рогаче в загон. Следом идёт и стадо, Изок подгоняет отстающих.

Когда все олени собраны, женщины смыкают концы. Потом опускают верёвку к самой земле, как заведено, чтобы Сойти мог выйти из круга поверху. Но когда вновь поднимают, маленький Ноляко вдруг проскальзывает под верёвкой, на женский манер, – и со смехом убегает прочь.

– Что ты?! – восклицает Ксения.

– Беду! – воет старуха. – Беду накликать!

Майма бросается в погоню за непутёвым братцем:

– Головастик, вернись! Переступи, как положено!

А Ноляко удирает со всех ног от Маймы и хохочет. Он ещё знать не знает, зачем мальчикам ходить поверху, а девочкам – понизу, почему Сойти нельзя трогать женские вещи и самому ставить чум, а Майме – ловить оленей. Он раскрывает над своей большой белой ладонью ладошки и зовёт:

– Майма, гляди: я олень! Теперь ты – охотник! Лови меня, Майма, лови!

В тундре, куда ни правь оленей, дорога одна. Начало её совпадает с твоим рождением, а конец теряется где-то за горизонтом. Во все стороны тянется даль невыразимая, полная раздольного, дикого воздуха. Ковром изукрашенным стелется тундра до самого неба, а меж землёю и небом – одна пустота.

Крепкие нарты Хасавако идут легко, ветер подгоняет упряжку. Кучевые горы громоздятся совсем низко над головой. Кажется: протяни руку – и ухватишься за кромку облака, прибавь ходу – и достигнешь края земли.

Хасавако родился во время зимней перекочёвки, и лишь в пути он жив по-настоящему. Долго сидеть на одном месте для Хасавако пытка. А ведь многие всю жизнь сидят сиднем, точно привязанные. Особенно в городах. Там-то все за землю держатся! Зарываются в самой чёрное нутро, громоздят дома-колонны, мостят улицы – и всё кружат, кружат на одном месте. И как же много людей, как тесно в городищах! Одни только стены, заборы, границы. Смотрят искоса налево, направо: чего там у соседа? Всё поделено, порублено на куски, заперто на ключ, а ключ давно утерян.

Теперь вот на тундру зарятся. Впились в неё бурами, пускают чёрную кровь, выворачивают недра. Вроде полно уж, да будто печёт их жадность голодная. А тундра – она ведь общая на всех людей, и ничья притом. Так выступал на сходке старик Сэвси и тем разъярил он сердце Хасавако. Чёрные мысли теперь зудят в его голове. Чтобы слуть их, как надоедливую мошку, Хасавако подгоняет оленей. Длинный упругий хорей так и ходит по их бокам.

Неделя в посёлке сжалась в один долгий смутный день, пёстрый от человеческих лиц и спиртного. В кои-то веки Хасавако говорил с людьми, а не с оленями. И как говорил! Даже язык припух с непривычки. Но дело улажено. На сходке Хасавако сговорился с достойной семьёй Сэвси: тридцать справных важенок за Майму и прочего разного добра в придачу. Он уже подсчитывает, какова будет прибавка к стаду, если каждая важенка на будущее лето принесёт по телёнку, и довольно причмокивает. Ладом пойдёт – через пару-тройку лет можно и для Сойти подыскать достойную невесту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.